24 СЕН 1973

СВЕРДЛОВСК И СВЕРДЛОВЧАНЕ

СЕДЬМОЙ ГОРОД, И ВСЯ ЖИЗНЬ

КОГДА я учился в восьмом классе, мой школьный друг сказал:

— В драме вчера был... Смотрел «Год 19-й»... Знаешь, какой хороший новый артист члена Реввоенсовета Лукина играл, Ильин ему фамилия...

Так я услышал о Борисе Федоровиче. А скоро о нем заговорил весь город. Весной 1937 года театр поставил по пьесе А. Глобы спектакль «Пушкин» с Ильиным в главной роли. В роли великого русского поэта я его впервые и увидел. Правда, некоторые театроведы считали, что тот спектакль страдал элементами формализма. Я же этого, честно говоря, не ощутил. Меня, как и всех зрителей, интересовал прежде всего сам Пушкин. А Ильин в этой роли был действительно Пушкиным. Как он замечательно передавал темперамент и живость поэта!

После пьесы А. Глобы мне захотелось увидеть Ильина и в другом спектакле. Как раз в это время наш театр откликнулся на волновавшие весь мир испанские события трагедией Г. Мдивани «Альказар». Ильин играл здесь коммуниста, полковника Педро Карильо. И так играл, что все в зрительном зале понимали, что образом этого героя актер выражает свое сочувствие к героям антифашистской борьбы в Испании.

В довоенные годы Ильин создал на сцене нашего театра много образов «социальных героев». Это и самая его первая роль в Свердловске — Платон Кречет, это и Мотыльков в пьесе В. Гусева «Слава», и следователь Ларцев в «Очной ставке», и Марк Волохов в «Обрыве», и солдат Иван Шадрин.

Но в то же время Ильин создал и образ Яго, один из самых «злодейских» в мировой драматургии. Поручик Яго в исполнении Ильина был храбрым офицером, искренним, обаятельным. Но таким он казался лишь в первых картинах. Когда раскрывалось ничтожество Яго, когда становились ясны все его интриги и преступления, прежняя маскарадная личина бравого парня исчезала, и Яго вызывал к себе только презрение и ненависть.

Одной из самых интересных ролей Ильина в конце тридцатых годов была роль царя Федора в одноименной трагедии А. Н. Толстого. О ней в свое время много говорили и писали. Я сам слышал, как после спектакля кто-то за моей спиной произнес:

— Сегодня я окончательно убедился, что Ильин может сыграть любую роль...

Федор Ильин выглядел на сцене человеком безвольным и беспомощным, как дитя, с добрым сердцем и отзывчивой душой. Но в то же время в руках у Федора Русское государство. Может ли такой человек быть царем?

«Наивная беспомощность юродивого мечтателя, пытающегося сгладить и примирить все противоречия жизни, показана артистом с большой силой и истинной проникновенностью, — писала 14 августа 1939 года газета «Советское искусство», оценивая игру Ильина.

Все рецензенты в один голос отмечали, что Ильин не повторил в этой роли трактовку таких артистов, как Орленев, Москвин, Качалов, чем грешили до него многие другие исполнители Федора.

И трудно было поверить, что тот же актер, так естественно передающий кроткую улыбку слабоумного царя, не способного управлять государством, может затем перевоплотиться и сыграть на сцене характеры сильные, героические.

Спектакль о Свердлове был поставлен нашим театром в 1940 году. Ильину пришлось преодолевать фрагментарность пьесы Д. Дэля, чтобы создать цельный образ и показать, как проходило формирование личности первого председателя ВЦИК.

Зритель видел Свердлова и непримиримым в столкновении с врагами, и принципиальным, взыскательным другом молодых уральских революционеров, и горячим трибуном, обладающим чеканной логикой и силой убеждения, и в то же время романтиком и мечтателем.

И все это было настолько правдиво, что жена Я. М. Свердлова К. Т. Новгородцева, посмотрев спектакль «Большевик», с удивлением спросила Ильина:

— Откуда вы так хорошо знаете характер Якова Михайловича? Вы что, были с ним близко знакомы?..

В том же году театр начал работу над пьесой Н. Погодина «Кремлевские куранты».

Ильин отказался от внешнего копирования ленинских жестов, манеры речи, походки. Он стремился раскрыть перед зрительным залом духовный облик вождя революции, мечтающего о будущем страны и вынашивающего планы ее возрождения после разрухи. Мягкая душевность, скромность человека, умеющего от самого обычного разговора и даже шутки как-то очень естественно подняться до осмысления высоких проблем — вот что было характерно для Ильина в этой роли. Какая из ленинских сцен выглядела в спектакле лучшей, сказать трудно. По-моему, все-таки ночная сцена с матросом Рыбаковым...

Народный артист РСФСР В. Битюцкий, учившийся вместе с Ильиным в начале двадцатых годов в Саратовских высших государственных мастерских театрального искусства, писал:

«Я часто привожу молодежи примеры из творческой практики Ильина. Обладая от природы ярко выраженными психо-физическими данными для ролей плана героя-любовника, он со школьной скамьи не чурался характерных ролей и работал над ними с увлечением. В репертуаре школьного театра при ВГМТИ одновременно была драма Мея «Царская невеста» и сказка «Царевна Несмеяна». В первой Ильин играл роль Григория Грязнова, во второй — Дьяка. Разве было что похожего в кривобокой фигурке, прыгающей походке, козлиной бородке, дребезжащем голоске Дьяка на отчаянного, своевольного, темпераментного красавца Григория Грязного? Благодаря тому, что потенция и к характерным ролям была заложена в Ильине в ранние годы, он так легко для себя совершил переход к ним...»

По-настоящему этот переход совершился в годы Отечественной войны, когда Ильин, играя Сергея Луконина в «Парне из нашего города» и генерала Огнева в пьесе «Фронт» в то же время с присущим ему мастерством сыграл и военфельдшера Глобу в «Русских людях» и Войницкого в «Дяде Ване».

Чеховский спектакль 1 августа 1944 года увидели московские зрители. Шел Всероссийский смотр постановок русской классики. И Свердловский театр на этом смотре был признан лучшим.

Ильин показал Ивана Петровича Войницкого человеком благородным, по-настоящему интеллигентным, который может бросить вызов пошлой и вялой среде. Но бунт этот выглядел трагическим бунтом одиночки.

В послевоенные годы Ильин продолжает играть роли плана социальных героев. Только теперь его герои — люди более старшего возраста, чем раньше. Среди них генерал Муравьев в пьесе Б. Чирскова «Победители», Макеев в пьесе К. Симонова

«Чужая тень», полковник Воропаев, Юлиус Фучик, Роман Кошкин... И в классическом репертуаре он по-прежнему на высоте: Сирано де Бер-Жерак, Гаев, князь Волковский в инсценировке романа Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные», Яропегов в пьесе М. Горького «Сомов и другие». Все эти послевоенные роли народного артиста СССР Бориса Федоровича Ильина еще на памяти многих.

Интерес и симпатии зрителей сопутствовали Ильину на всем протяжении творческого пути. Еще учась в Саратовском реальном училище, он выступал в спектаклях любительского кружка, который назывался «Наш домик». Даже начал заниматься в местной театральной студии, но грянувшая гражданская война прервала эти занятия. В конце 1918 года Ильин ушел добровольцем в Красную Армию.

После разгрома белогвардейцев на Волге он — студент ВГМТИ в Саратове. Там и началась его большая театральная жизнь...

За первые шестнадцать лет актерской деятельности он сменил шесть городов, однако седьмой город, — Свердловск стал его постоянным творческим домом. И если лучшие спектакли Свердловского драматического театра своим успехом во многом обязаны Ильину, то и Ильин многим обязан этому театру и свердловской театральной общественности, чьим признанием было окружено его творчество.

С. ЗАХАРОВ.

* * *

НА СНИМКЕ: Б. Ф. Ильин. Фото И. Тюфякова.